

Валентина ПАНИНА

Я сохраню тебя любовью

16+

Валентина Георгиевна Панина

Я сохраню тебя любовью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33584585

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04362-6

Аннотация

Подруги Нюра и Лиза решили поехать жить в город, чтобы исполнить свою мечту – открыть ателье. В город они приехали, но с бизнесом сразу не получилось, потому что неожиданно появились проблемы. Нюра попадает в переделку, из которой сама никогда бы не выбралась, если бы не помог незнакомец, который однажды случайно с ней столкнулся у газетного киоска и ему хватило одного взгляда, чтобы влюбиться в девушку...

Содержание

Глава I	5
Глава II	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Все опасней, все круче наклонные плоскости,
Все шатучей мостки, все безумнее мгла...
Я люблю, я люблю эту женщину, Господи,
Сделай так, чтоб всегда она рядом была!
Казанцев А.

Глава I

Я услышала шум на улице, вышла во двор и стала оглядываться, откуда раздается крик. Повернувшись к соседскому дому и вижу картину: баба Маня в огороде стоит на четвереньках и, заглядывая в погреб, громко кричит слегка глуховатому деду:

– Дед! А дед! Ты там живой?

В ответ слышится из погреба:

– Не дождёсси, старая! Я тебя Саньку не оставлю!

– Да, живи, сколь хошь! Токо при чём тут Санёк?

– Ага! Тогда зачем он висить всё время у нас на заборе? А ты, старая, ему глазки строишь.

– А тебе хучь строй, хучь не строй всё равно толку нет. Тебе даже вина незя. А я женчина, мне и вина хотца и мужского внимания. – громко крикнула бабка в недра погреба.

– Ага! Думаешь от твоего Санька есть толк? Да он старше меня! А ты всё глазом косишь в его сторону. Вниманья ей мало! Всю жизнь всё моё вниманье токо тебе было, а таперь ты Саньку глазки строишь.

– Дурак ты, старый, мелешь незнамо чё! Вот чичас закрою тебя в погребу, и сиди тама.

– Ага! Я дурак старый, а твой Санька умнай! Надо было его ещё тогда, когда ты бегала, то к нему, то ко мне на вилы поднять, а то мелькат тута постоянно мимо нашего двора, на

грех наводить. Так и хоча, чем нить по черепку дать.

– Так он меня наводить на грех, а причём тут ты? – захохотала баба Маня.

– Охальница! – крикнул дед в сердцах.

– Ага! Я охальница, а ты кто, старый? Ты зачем давеча всю пенсию Ваське малахольному отдал?

– Дык, жалко стало мужика, потерял свою-то и домой боялси итить, у его Дуськи рука-то чижёлая, как дать ему, так он в пятый угол летить.

– А ты откуль знашь, чё у Дуськи рука чижёлая? Ты, старый, моей руки не пробовал! Вот ещё раз отдашь пенсию, тада узнашь, какА рука у меня!

– Н-е-е-т, старая, меня бить незя, зашибёшь ненароком, тебя посодют, а туды Саньку точно не пустять.

– Ты, дед, договорисся тама у меня, чичас сам по черепку получишь.

– Ладноть, старая, помоги выбраться, потом твои полки доделаю, замёрз ужо.

– Я, дед, тебе не помощник, сам знашь, спина у меня болить. Пойду кого-нить позову. Дед, а может, Саньку позвать, он мигом тебя выдернет из погребу, он жа ещё ничё, крепок, не то чё некоторые.

– Издеваесси, старая?! Да я лучше здеся сгібну, чем мине Санька будет помогать.

– Да, ладно, дед, я пошутила! Чичас Нюрку кликну, – повернувшись в сторону моего дома баба Маня истошно заво-

пила:

– Нюра-а-а-а! Нью-ю-ю-рка!

Я вышла из-за дома, чтобы она меня увидела и спросила:

– Баба Маня, звала?

– Нюр, помоги деда вытащить из погребу!

– А ты, баб Мань, за что его туда законопатила?

– Ревнивый шибко! Все ему Санька Малюта покоя не даёт. Сколь годов прошло, а он простить не может, что Санька за мной ухаживал.

– Ну, баб Мань, вы даёте!

– Ой, Нюрка, сама удивляюся, как они ещё до сих пор друг дружку не порешили!

Я подошла к погребу, заглянула, сидит дед скукожился весь, я спрашиваю:

– Дед, ты как, не вымерз ещё?

– Нюрка, помогай, бабка меня извести хотела, чуть не заморозила. Поди со своим Саньком договорились. Не дождутся!!! Ети их в лахудру!

– Давай дед руку, не ругайся.

Дед протянул мне руку и стал с моей помощью подниматься по лесенке вверх. Когда выбрался из погреба, я спросила:

– Дед! Тебе сколько лет?

– Дык, я уже и не припомню, Нюрок.

– Какая ревность, какая любовь в вашем возрасте?

– Нюрка! Ты не права! Любовь – она не думает сколь тебе годов. – поднял дед указательный палец вверх, чтобы речь

звучала убедительнее, – мы вот с бабкой всю жизнь живём и всю жизнь я её, паразитку, люблю, – дед опустил руку и махнул ею с отчаянием, – а Санька всё время мимо нашего двора шмыг – туды, шмыг – сюды, а сам через забор заглядывает. Я жа, Нюра, свою Маню у его, можно сказать, с-под носа увёл. Он собралси жениться на ей, а сказать об ентом не успел, зато я успел её увести. Вот он бесилси, мы чуть не поубивали друг дружку. С тех пор мы, Нюра, с Саньком – враги, – потом перейдя на шёпот, чтобы не услышала баба Маня дед поведал, – я, Нюра, её до сих пор люблю, бабка знат об ентом и подсмеиваетси надо мной. А мне обидно. Можеть меня бабка никогда не любила?

– Дед, баба Маня вышла замуж вообще-то за тебя, а не за Санька, значит и любила она тебя. Поздно, дед, ревновать. Вы же всю жизнь прожили вместе с баб Маней, детей нажили, внуки у вас, а вы ссоритесь из-за всякой ерунды, как молодые. Иди, грейся, а то заболеешь. В другой раз теплее одевайся, когда в погреб полезешь.

– Эх, Нюра, наши дети давно про нас с бабкой и думать забыли. Не приезжают, не пишут. Одни мы, как перст. Чё случися, никого рядом нет. И детям не сообщишь, дажеь не знаю куды и писать.

– Ладно, дед, не переживай, я с вами и никогда вас не оставлю. Ты же знаешь, что у меня никого нет, кроме вас.

– ХорОша ты, Нюра, девка, только вот замуж выйдешь и забудешь про нас.

— Зря ты, дед, так думаешь. Никогда я вас не оставлю, мне без вас плохо, я же тоже одна, случись что, и мне не к кому разу обратиться за помощью кроме вас. Иди, дед, грейся, а то вон синий весь.

Я шла домой, а в голове крутились грустные мысли о моих стариках-соседях. Ведь у них и дети есть, и внуки уже взрослые, но никому до них дела нет. Хоть бы иногда интересовались, как они тут живут, да и живы ли вообще. А старики молодцы, я смотрю на них и удивляюсь: ведь они уже много лет вместе, детей вырастили, а всё ещё про любовь говорят. Дед до сих пор ревнует свою бабу Маню, а она над ним посмеивается, да подшучивает. Они, похоже, держатся только благодаря надежде, что дети о них вспомнят и приедут навестить. Ведь я много раз наблюдала, когда баба Маня или дед сидели, глубоко задумавшись с печальными лицами, тут и гадать не надо, думают они о своих детях и внуках, которых ждут.

***

Я тогда ещё совсем маленькой была, когда их сын Василий уехал в город на заработки и не помню его совсем. Говорят, он там женился, у него родился сын, они завербовались куда-то и уехали. С тех пор от них не было ни слуху, ни духу, а может, с ними что случилось, но, тогда старикам бы сообщили. Много лет уже смотрю на них с какой надеждой они встречают нашего почтальона Марусю Самохину, а она, бедная, каждый раз, проходя мимо них, отворачивается, чтобы

не видеть глаза стариков, в которых ожидание и боль. Нину, их дочь, я чуть-чуть помню, я тогда немного уже подросла, когда она тоже уезжала в город. Особенно мне запомнилось, как дед Трофим и баба Маня смотрели ей вслед, а слёзы у обоих бежали огромными горошинами, а они не успевали их смахивать. От дочери было одно письмо вскоре после её отъезда, в котором она сообщала, что выходит замуж и уезжает жить в Душанбе. Обещала написать, как устроится на новом месте, но, видимо, жизнь закрутила так, что о родителях забыла. Маруся как-то жаловалась:

– Веришь, Нюр, меня прям ноги не несут, когда приходится идти в ваш край. Не могу я на этих стариков смотреть без боли, сердце разрывается от жалости. Баба Маня как-то в магазине подошла ко мне и говорит:

– Маруся, ты не прячь глаза, когда проходишь мимо нашего двора, ты ни в чём не виновата. Вся вина на нас самих, это мы их воспитали, чего-то, видимо, не додали, не досмотрели, а теперь винить некого. А мне, Нюра, всё равно тяжело, когда я вижу с какой надеждой они смотрят на меня.

– Да мне, Маруся, тоже их жалко, я стараюсь им хоть чем-нибудь помочь, присматриваю за ними. Я ведь тоже одна, сама знаешь, а они мне, как семья.

– Что ты присматриваешь за ними и помогаешь, вся деревня знает, только у них-то душа всё равно болит о детях.

– Зато дети, видимо, забыли о своих стариках. Да бог им судья.

Только я зашла в дом, услышала крик от калитки:

– Нюра! Ты дома?

– Дома! – крикнула я, открыв окно, – заходи, Лизок!

Лизка моя давняя подруга. Красавица Лизавета всегда была очень энергичной и шустрой. Тоненькая, хрупкая, с копной длинных черных кудрявых волос, её большие чёрные глаза удивлённо смотрят на окружающий мир. Поговаривали, что её мать согрешила в своё время с цыганом из табора, который недалеко от деревни как-то останавливался, но мать это отрицала, отец у Лизки тоже был шатен, так что, может, никакого цыгана и не было. На месте она сидела только когда обедала и то ёрзала, потому что ей вечно куда-то надо было бежать. Лизка быстро открыла калитку и бегом понеслась к дому. Я вышла ей навстречу, а она, не успев подняться на крыльцо, затараторила, захлёбываясь словами:

– Нюра! Ты представляешь, в нашем клубе будут выступать артисты. Они уже приехали и поселились у Верки. Мы обязательно должны пойти. Вся деревня там будет.

– Почему у Верки?

– Так у неё дом большой, она всегда приезжих пускает на постой.

– А, ну да, я забыла. Лиза, а билеты ты уже купила?

– Нет! Я сначала к тебе, чтобы узнать, что ты пойдешь на концерт. Сейчас побегу за билетами, пока не разобрали.

– А позвонить не могла, обязательно ноги бить?

– Нюра! Денег жалко. Да мне до тебя добежать вообще ни

о чём, три минуты, и я здесь.

Она развернулась и бегом ринулась за билетами. Я даже забыла спросить у неё, когда будет концерт. А потом решила не ломать над этим голову, Лизка ведь как метеор, уверена, что она ещё не раз прибежит ко мне, по-любому.

Действительно, не прошло и часа, как Лизка прибежала запыхавшаяся, плюхнулась на стул в кухне, где я готовила обед и стала рассказывать, выпучив свои и без того большие глазищи и размахивая руками:

– Представляешь, Нюрок! Прибегаю я в клуб, а там народу тьма! Ну, думаю, не достанется мне билетов. Побежала вдоль очереди, смотрю, Витька Аверин стоит уже недалеко от кассы, я подошла, молча сунула ему в руку деньги, прошептала, чтобы взял два билета. Он не стал возражать, взял деньги, но Нюра... ты бы видела, как он посмотрел на меня! У меня аж ноги стали ватными.

– Лизок! Ты с каких пор стала такая впечатлительная и на ноги слабая?

– Нюрка! Издеваешься? Ты бы видела его! Такой красавчик стал. Черные волосы, высокий, а глаза..., – она закатила свои глазищи, а лицо стало восторженным и мечтательным, открыв глаза она выпалила, – короче, Нюра... я пропала. Ладно! Это было лирическое отступление. Слушай дальше! В общем так, отдала я деньги и отошла в конец очереди. Он взял билеты, подошёл и спрашивает:

– Ты с кем идёшь на концерт?

Я говорю:

– С Нюрой Трубниковой.

– А почему не с Серёгой, вы же вроде встречаетесь?

Я говорю:

– У тебя, Витя, устаревшие сведения, мы уже не встречаемся.

Тут я перебила Лизку и спросила:

– Лиза! Может, ты уже скажешь мне, когда мы идем на концерт?

– Я тебе разве не говорила? Сегодня в семь часов.

– Ну, тогда я успею собраться. Сиди, сейчас пообедаем и побежишь свои километры наматывать.

– Какие километры?

– Тебе виднее. Ты же никогда не сидишь на месте, всё время куда-то несёшься, выпучив глаза, как будто у тебя в одном месте моторчик есть.

– Так, Нюрок, жизнь такая! Сидя дома ничего не увидишь и не узнаешь, а я любопытная.

– Ладно, Лизка! Иди мой руки.

Я накрыла на стол, и мы сели обедать. Ем и молчу, а Лизка сидит и ёрзает на стуле, чувствуется, что хочет что-то рассказать, я посмотрела на неё с улыбкой.

– Не ёрзай! Рассказывай!

– Слушай, Нюрок, иду сегодня утром в магазин, смотрю, Васька малахольный появился в дверях дома в старом Дуськином халате. Из-под халата волосатые, как у обезьяны ноги

торчат. Я спрашиваю:

– Дядя Вася, по какому случаю так нарядился? Неужто какой праздник, а я всё пропустила?

– Да Дуська, зараза, нарядила! – сказал и испуганно оглянулся на дверь.

Тут выходит Дуська и говорит:

– За заразу ответишь, придурок! Представляешь, Лизка, вчера этот урод проигрался в карты и пришел домой в одних трусах, вот, дала ему свой старый халат, пусть теперь в нём на работу ходит.

Я спрашиваю:

– Теть Дусь, чё правда, вот так в халате и отправишь мужа на работу? Она мне и рассказала, что у них вчера произошло: оказывается, когда Васька пришёл домой в одних трусах, Дуська с одного удара послала его в нокаут. Полежав немного он очнулся, сделал вид, что жену не узнал, и спрашивает:

– Женщина! Вы кто?

Она отвечает:

– Сейчас ещё раз врежу и всё вспомнишь.

– Что значит ещё? Вы что, мне уже врезали и, поэтому, я здесь, на полу?

– Ага! Сейчас довыпендриваешься, козёл, ещё получишь и сразу прояснится в голове.

– Но он не решился дальше жаловаться на память, потому что хорошо знал свою жену, она могла ему ещё раз врезать и,

поэтому, сознался и повинился. А теперь ходит в Дуськином халате и в домашних тапках, мелькая волосатыми спичками.

– Слушай, Лизка, а ты случайно не знаешь, почему его зовут Васька малахольный?

– Не знаю! Как-то все привыкли, уже даже никто и не думает, откуда это взялось, если говорят «малахольный», то все знают, что это про Ваську. Между прочим, говорят, в молодости ходок был, пока Дуська его не окрутила, а как только попробовал её кулак на крепость, так сразу расхотелось по девкам бегать. И теперь, как только появляется желание свернуть налево, у него перед глазами возникает Дуськин кулак и желание сразу пропадает, а Васька начинает ругаться матом, на чём свет стоит и орёт на всю деревню:

– Дуська! Гадюка! Всю жизнь испортила своими кулачищами, разведусь!!! – а Дуська в ответ спрашивает:

– А вот это видел? – показывая свой совсем не женский кулак. Васька сразу сникает и начинает жаловаться на жизнь, ругая себя:

– Где были мои глаза, когда я собрался жениться на этой гадюке? Чтоб вы повылазили, окаянные!!!

Лизка пообедала, вскочила со стула, быстро сказав «спасибо» и, не успела я ответить, как она уже выскочила за дверь и понеслась к калитке. Я посмотрела в окно на подругу, махнула на неё рукой и пошла убирать со стола.

К вечеру я была готова идти на концерт. Надела свой красивый костюм, купленный по случаю в городе, и ждала Лиз-

ку, сидя на диване с вязанием. Она принеслась ко мне за полчаса до концерта нарядная и с причёской, я посмотрела на неё и удивившись, спросила:

– Лизок! Ты, когда успела причёску сделать?

– Я, Нюра, много чего успела за это время сделать. Вставай уже со своего любимого дивана, пойдем, а то стоя будем наслаждаться выступлением.

Когда пришли в клуб – народу было, не протолкнуться. Но мы с Лизкой пролезли в первые ряды. Лизка, особенно не раздумывая, подошла к парням, сидящим с края, пошептала, кося в мою сторону глазом, парни встали и освободили свои места, мы устроились со всеми удобствами, после чего Лизка прошептала мне на ухо:

– Нюрка! После концерта нам надо отсюда уходить быстро и огородами!

– Почему? – спросила я.

– Потому что я парням много чего наобещала за наши сидячие места.

– Ты наобещала – тебе и расхлёбывать, а я им ничего не обещала.

– Добрая ты, Нюра! А я думаю мы вместе будем расхлёбывать!

– Ты, Лиза, когда-нибудь схлопочешь по самое немогу за свои выкрутасы. Ладно, проблемы будем решать по мере поступления, а сейчас устраивайся поудобнее и замолчи, не мешай мне.

***

Вообще-то к нам редко кто заезжает с концертом, не любят артисты ездить в глубинку, в основном, по городам разъезжают, где народу больше, да и комфортнее. Как этих к нам занесло, большой вопрос. Может артисты они – никакие, а кушать хочется, вот и поехали по деревням. Лизка сидит с победным видом и стреляет глазами по сторонам. Я тоже посматриваю, но просто из любопытства, кто из знакомых попал на концерт, и тут мой взгляд упирается в незнакомую компанию из двух парней и одной незнакомой девушки, а с ними Витька Аверин. Он с недавних пор живёт в городе, у родителей появляется крайне редко, а тут приехал, да ещё с друзьями. Действительно красавец, гроза девчонок. Я Лизку спрашиваю:

– Лизок! Видишь, вон у стены стоит объект твоего обожания, а с ним что за парни? Ты их не знаешь?

Лиза посмотрела в их сторону и покачала головой, сказав:

– Первый раз вижу. Видимо, новые дружки Витькины. Говорят, он в городе в бандиты подался. Смотри, кажется, сейчас уже концерт начнется. Тише, вы! – закрутила Лизка головой, успокаивая всех вокруг сидящих, громким шёпотом, – не слышно, что говорят.

Народ стал затихать, но всё равно половины сказанного со сцены мы не услышали, потом вышла девушка в блестящем платье и начала петь какую-то незнакомую песню под аккомпанемент электрогитар, с которыми сзади неё стояли

два парня. Мы послушали эту, с позволения сказать певицу, у которой не было похоже не только голоса, но и слуха тоже. Дослушав песню до конца я у Лизы спросила:

– Их сколько человек приехало?

– Четверо, вроде. – сказала Лиза.

– Это что, вот эти трое и ведущий и всё?

– Ну да!

– О-ё-ё-ё-й, мама дорогая, на что ушли мои деньги потом и кровью заработанные. Лизка, пошли отсюда! У нас бабы в деревне лучше поют, голосистее.

– Нюра! Ну давай немножко ещё послушаем, может, дальше лучше будет? – заныла Лизка.

– Лизок! Лучше не будет, гарантирую! Если не уйдём, то потеряем не только деньги, но и время, а потом ещё будем огородами петлять от твоих благодетелей, уступивших нам места. Всё! Встала и на выход! Парням скажи, пусть поддержат для нас места – мы сейчас вернёмся.

Лизка нехотя поднялась со своего места, сделала обиженное лицо, подошла к парням, а я пошла, пробираясь через толпу, на выход. У самой двери Лизка меня догнала и опять заныла:

– Нюра, ну давай хоть чуть-чуть послушаем.

– Лиза! Вот такое слушать – себя не уважать! Они же думают, что для деревни и такое – благо! Ты об этой группе хоть где-нибудь что-нибудь слышала или читала? Кто они такие, откуда? Может, они вон из соседней деревни приехали,

чтоб денег собрать. Ты слышала эту певицу? Скрип несмазанной телеги – ее пение.

– Ладно, Нюра, пойду я тогда домой.

– Лизка, пойдем ко мне. Блинов испечём, чай попьем, а можем чего-нибудь и принять для настроения. Я как-то была в городе, купила бутылочку грузинского вина, вкусное, я уже брала его однажды.

– И что, ты одна его выпила?

– Почему одна, это было, когда мы с Семёном встречались.

– Так это ж, когда было?

– Не так давно, два года назад.

– Слушай, Нюр, а что Семён, как уехал так даже не звонил?

– А, зачем? Мы с ним поссорились он и уехал.

– Нюра! А вы из-за чего поссорились? Он же вроде нормальный парень.

– Ага! Они все нормальные, когда спят зубами к стенке. Ему вдруг захотелось всё и сразу, а у меня другие планы и я не привыкла, чтобы мне ставили условия.

– У него что, были какие-то условия?

– Не поверишь, Лизок, были! Условия диктовать только я могу, потому что мужик – это кот в мешке. А я пока замуж не хочу, рано мне замуж выходить. Я, Лиза, хочу в город уехать и открыть свой бизнес.

– Да ты что?! Нюрка, а как же я?

– Поехали со мной, веселее будет!

– А ты, когда собираешься в город ехать?

– Ещё не решила, я сейчас вяжу нашим деревенским кофточками на заказ и собираю деньги, как накоплю, так поеду.

Мы дошли до моего дома, в котором вот уже который год я жила одна. Родители утонули на реке во время рыбалки. Лодка, в которой они обычно выходили на середину реки, чтобы порыбачить, дала течь и как-то очень быстро пошла ко дну. Было это весной, лёд уже сошёл. Одеты родители были тепло, вода была холодной, одежда быстро промокла и потянула их на дно, а от холодной воды ноги, видимо, свело судорогой, и они не смогли выбраться. Нашли их на третий день далеко от деревни. Их унесло течением и там, где-то, недалеко от берега они зацепились за коряги. Их обнаружили рыбаки из соседней деревни. Я к тому времени уже после окончания школы год работала в правлении секретарём у нашего председателя. Потом мне это надоело и я, накопив денег, купила себе вязальную машину, ниток и стала учиться вязать кофточки. Сначала получалось не очень, но я упёртая, научилась. Деревенские бабы приходили ко мне с заказами, потом я стала вязать на продажу. Вязание меня захватило сразу, мне нравилось придумывать разные интересные модели и появилась мечта: поехать в город, арендовать небольшое помещение, купить несколько вязальных машин, нанять вязальщиц и, может даже, открыть свой магазинчик эксклюзивных вещей.

Пока я разводила тесто на блины, Лизка готовила всё к чаю: включила чайник, поставила на стол чашки, для блинов сметану и варенье. Я развела тесто, поставила сковородку на плитку, достала масло и начала печь блины. Лизка стояла на подхвате, брала каждый готовый блин, мазала маслом, сворачивала его и укладывала на тарелочку друг на друга. Когда тарелка наполнилась, сели пить чай, а к чаю и блинам достали вино и налили по пятьдесят грамм для аппетита. Подняли рюмки, я спросила:

– Лизок! За что пьём?

– Давай, Нюра, выпьем за нас. Раз ты задумала открыть свой бизнес, ты просто обязана и меня к себе пристроить, я, Нюрок, хорошей помощницей тебе буду. Обещаю!

– Отлично! За нас! Кстати, Лиза, я тебе не советую с Витькой связываться. Он здесь помелькает несколько дней и опять умотает в город, оно тебе надо?

– Не надо, конечно, но красив, зараза!

– Забудь! Нам надо чему-нибудь научиться, чтобы зарабатывать и быть независимыми, а таких Витек знаешь сколько ещё у нас будет! Воз и маленькая тележка.

– Посмотрим. Давай ещё по одной? – сказала Лиза.

– Давай! Вкусное вино, молодцы грузины, умеют делать вино.

– Да мы с тобой, Нюра, тоже смогли бы, только у нас виноград не растёт.

– Нет, Лиза, у нас так не получится, у них многовековой

опыт, а мы сможем сделать только настойку на травках – это у нас тоже хорошо получается, только не хватает терпения дождаться, когда настоится. Наливай!

Лиза налила ещё по чуть-чуть и произнесла тост:

– За нас, умниц и красавиц!

– Хороший тост. Правильный. – сказала я и почувствовала, что мне уже хорошо стало, легко и беззаботно. Настроение поднялось и казалось, что для нас с Лизой ничего невозможного нет, вот поедem в город и займёмся своим бизнесом. Будет у нас ателье и свой магазин, а мы с подругой две девицы-красавицы будем купаться в роскоши и ездить отдыхать на заграничные курорты. Я так размечталась, что забыла о Лизке, она после сказанного тоста выпила вино, поставила рюмку и теперь сидела, молча разглядывая мечтательное выражение на моём лице, насмотревшись на меня вдоволь, сказала, ехидно улыбнувшись:

– Мечтать не вредно, вредно не мечтать, подруга, пей, а то прольёшь!

Я очнулась от своей задумчивости и поняла, что это не просто мечта, это мои планы на будущее и я их должна осуществить. Может, конечно, не в таком объёме, но заработать на приличную жизнь, так, чтобы ни в чём себе не отказывать, непременно. А ещё я мечтала, когда у меня будут деньги, съездить на море. За разговорами и тостами мы не заметили, как уговорили бутылочку, делать нечего – принялись за чай и блинчики. За чаем мы засиделись допоздна, видели,

как мимо окон народ шёл домой после концерта. К нам на огонёк зашёл Витька Аверин. Прошёл, сел к столу, как у себя дома удобно расположился и спросил:

– Девчонки, чаем угостите?

– Куда дел своих гостей? – спросила Лиза.

– К Верке пошли.

– Так твои гости у Верки остановились? А почему к себе не пригласил?

– Мне некуда их поселить, да так и хлопот меньше, пусть живут у Верки и ей заработок.

– А чем они здесь, у нас в деревне, собираются заниматься?

– Просто отдохнут несколько дней и уедут.

Мы его напоили чаем, Витька встал из-за стола, поблагодарил за чай и спросил:

– Лиза! Ты не идёшь домой? А то давай провожу.

– Нет, Витя, ты же знаешь, что я рядом живу, а сегодня ночевать остаюсь у Нюры.

– Может, тогда погуляем? Спать ещё рано.

Лизка посмотрела на меня умоляюще, я хотела отрицательно качнуть головой, но увидев в её глазах мольбу, кивнув, сказала:

– Лиза, завтра вставать рано, далеко от дома не ходи, а ещё лучше, посидите вон на лавочке около калитки и спать.

Я пошла их проводить и уже были на пороге, когда Лизка хватилась спросить:

– Вить, а чё приходил-то?

– Так за тем и приходил, чтобы позвать тебя прогуляться, – и посмотрел на Лизавету долгим выразительным взглядом.

– Ладно! Пойдём погуляем. Нюра, я недолго. – сказала Лиза, опустив смущённо глаза.

Я уснула, не дождавшись подруги. Утром, конечно же, всё проспала. Проснулась, когда солнышко уже было высоко, заглянула в комнату, где должна была спать подруга и поняла, что она загуляла. Я снова легла и ещё немного повалялась, потом не спеша встала, умылась и пошла завтракать оставшимися блинчиками. Только закипел чайник, пришла Лизавета. Я посмотрела на неё и поняла: пропала, влюбилась. Жаль, что влюбилась в этого беспутного Витьку Аверина. За завтраком я спросила у Лизы:

– Как погуляли?

– Нюра, не спрашивай.

– Что так?

– Нюра! Овца я беспутная, а самое главное, что не жалею об этом.

– Так вы где были-то?

– В поле, в стогу. Я сама не поняла, как там оказалась с Витькой. Нюр, не говори мне ничего, я сама всё понимаю. Но, в тот момент, я сама себя не помнила, всё было, как в тумане. Если позовёт, поеду с ним куда угодно.

– Лизка, ты действительно овца беспутная, отдалась пер-

вому встречному.

– Не первому встречному. Я, Нюра, влюбилась.

– А как же наш бизнес?

– Витька тоже в городе живёт, я думаю, он нашему бизнесу не помешает.

После завтрака, мы подумали, что особых планов у нас нет и решили пойти прогуляться. Оделись по-походному и отправились. Я предложила Лизке погулять по лесу до ручья. Шли потихоньку, слушали чириканье птичек, любовались цветочками, рвали и ели горстями дикую смородину и малину, вдруг неожиданно вышли на стоянку приезжих. Там была поставлена палатка, удочки лежали рядом, под кустом, у костра сидели парни, Витьки с ними не было. Мы постояли, посмотрели, потом Лизка отошла немного в сторону, присела и, махнув рукой, тихо позвала меня. Я подошла, она молча показала пальцем рядом с собой на траву. Я присела, и мы стали слушать о чём они говорят.

– Где наш друг Витя, ты не знаешь? – спросил один.

– Должен прийти, проспал, наверное. В отличие от нас он предусмотрительно прихватил себе девочку Леру из города, а мы, как лохи, сидим и ждём, когда он подгонит нам деревенских девчонок.

– Кстати, они с Лерой вчера поссорились, и Витька не ночевал дома, она к нему ходила, родители сказали, что после концерта ещё не приходил.

– Ну, это их дела. Витя, значит, у нас тут, как сыр в масле

катается, а мы сидим и, как придурки распоследние, ждём его с девочками.

– Раз он обещал подогнать, значит подгонит, тогда и развлечёмся от души.

Мы послушали и задумались, кого это он им хотел подогнать. Вот урод.

– Нюра, а не нас ли он хотел им подогнать? Зачем он вчера к нам заходил?

– Лиза, уходим, пока не увидели.

– Нюра, так он с девчонкой из города приехал? – прошептала Лиза, глядя на меня своими глазами полными слёз.

– Лиза, не вздумай плакать. Ты знала, что делала, а теперь, если ты не возьмёшь себя в руки и не забудешь его, то так и будешь, не единственная, а одна из... Я думаю, что эта городская как раз и есть одна из многих, нам это не подходит, всё, пошли отсюда.

Мы потихоньку по тропинке стали возвращаться в деревню. Шли по улице молча, я видела, как Лиза загрустила после того, как услышала, что Витька приехал в деревню с девушкой. Она у меня впечатлительная, а когда Витька проходимец задержал на ней взгляд своих зовущих глаз, сразу влюбилась, а теперь идёт на себя не похожа. Мне было её жаль, но с этим она должна сама справляться, надо срочно увозить её в город и занять чем-нибудь интересным, чтобы вылетела вся дурь.

– Лиза, выбрось его из головы. Он живёт по принципу

«пришёл, увидел, победил». Пока мы с тобой ничего не имеем, кроме нашей внешности, с нами так и будут поступать, а мы растрачивать свои светлые чувства на этих придурков, поэтому нам надо заняться бизнесом, наладить его и когда мы начнём зарабатывать деньги, выбирать уже будем мы.

– Нюра, он, наверное, сейчас с ней.

– Не думай об этом, не накручивай себя, может, он дома отсыпается после бессонной ночи, труженик.

Уже подходя к дому моих соседей, увидели деда Саню Малу, висевшего у них на заборе и весело беседующего с бабой Маней. Она что-то ему говорит и улыбается, размахивая руками. Тут выскакивает из дома дед Трофим, хватается оглоблю и бегом семенит к забору с криком:

– Опять повис на моём заборе? Нетопырь проклятуший!!!
Чё зенки лулутил, тебе тут цирк чё-ли?

– Нет, Трохвим, у вас тут не цирк, а комедь!

– Ах тудыть твою в качель, убью гада!!!

Дед Саня срывается с забора и бегом вдоль улицы семенит к своему дому, дед Трофим за ним с оглоблей. Мы с Лизкой понаблюдали эту весёлую картину и решили вмешаться, я крикнула:

– Дед Трофим! Сто-о-ой! Ты куда, зашибёшь деда Саню!

Дед, запыхавшись, остановился и схватился за сердце, я подошла, спрашиваю:

– Дед! Помощь нужна?

– Нет, Нюрка! – задыхаясь сказал он, – сам справлюсь с

ентим гадом!

– Да, я спрашиваю, тебе самому помощь нужна? Вон за сердце держишься.

– Да, Ньюрок, как тут не будешь держаться за сердце, када я енту паразитку всю жизнь охраняю от ентога гада, как пёс паршивай косточку!

– Ты, дед, живёшь, как на вулкане, не знаешь, когда взлетишь.

– И я про то жа, Ньюрок. Мож, правда, мне его взять и порешить ужо, сколько можно так жить?

– Ага, дед, в тюрьму захотел на старости лет? А на кого баб Маню оставишь?

– И то верно, незя в тюрьму. Ента паразитка быстро найдеть мне замену, она всегда была охоча до мужиков.

– Да-а-а, дед, тяжёлая у тебя жизнь!

– И не говори, Ньюра!

– Давай, дед, твой дрын, помогу донести до дома. Я взяла у деда оглоблю и удивилась её тяжести:

– Дед, как ты мог с такой тяжёлой оглоблей бежать за де-дом Саней?

– Ньюра! Это злость на него мне сил добавила. Вдругорядь я его точно догоню и хучь раз вдоль спиняки огрею, чёб неповадно было на чужих заборах висеть.

– Так ты, дед, забор бережёшь, а я думала, ты бабку Маню, охраняешь!

– Так, Ньюрок, забор тожеть жалко. Слушай, Ньюра, а мож,

мине вдругорядь бабку побить, а не за Саньком бегать?

– Дед, ты слышишь сам-то, что говоришь?

– Да, чёт я сморозил не то. – сказал дед, склонив голову, – но я ведь через неё, паразитку, всё здоровье потерял! Сколь сил положил, чёбы она не косила глазом на Санька, нет, всё равно, стоять чуток отвернуться, он – на заборе, а она глазами стреляет ему.

– Ладно, дед, ты не переживай, баба Маня тебя любит, это она просто тебя дразнит, чтобы убедиться, что ты её тоже любишь.

– Люблю, Нюрка, ой как люблю я эту лахудру, но никаких нервов уже не хватат на них с Саньком. Нюрок, ты правда думаешь, чё она меня просто дразнить?

– А ты, дед, попробуй в другой раз не хвататься за дрын и убедишься, что баб Маня сразу начнёт переживать, почему ты не реагируешь.

– Ладно, Нюра, надо попробовать.

Мы проводили деда до его калитки, занесли оглоблю, положили её у крыльца, чтоб она всегда у деда была под рукой для защиты его бабки от всяких чужих дедов и пошли с Лизкой ко мне. По дороге Лизка сказала:

– Нюр, я смотрю на этих дедов и думаю: – В их возрасте и такие страсти, неужели бывает такая любовь одна на всю жизнь?

– Видимо бывает, Лиза. Дед Саня всю жизнь прожил бо-былём, а в молодости он хотел жениться на бабе Мане, толь-

ко дед Трофим опередил его.

– Я бы тоже хотела такую любовь встретить, одну и на всю жизнь. – Лиза вздохнула и, сменив тему спросила, – чёт, Нюра, я не поняла, у нас выходной вот так неинтересно и закончится? Этот козёл, Витька, пусть только покажется мне на глаза, ему мало не покажется!

– Лиза! Неужели ты думаешь, что он после проведённой ночи отдаст тебя своим друзьям? Это вряд ли. Вот мне интересно, Лизок, что ты ему такого можешь сделать, чтобы ему мало не показалось?

– Я, Нюра, ещё не придумала, но этого так не оставлю, вот увидишь!

Мы немного посидели у меня, и Лиза пошла домой. Я решила, чтобы выходной не прошёл даром сделать генеральную уборку в доме. Только затеяла мытьё полов, пришёл Витька и с порога закричал:

– Нюра, где Лиза?

– Домой пошла, сказала, если ты придешь, чтобы к ней зашёл! Ты, придурок, зачем девчонке голову морочишь? Тебе городских мало?

– Может я жениться хочу! – хохотнул он.

– Ага! Я так сразу и подумала.

– Ладно, Нюра, пока, пойду к Лизавете.

– Иди! – сказала я и ухмыльнулась, когда он отвернулся и пошёл к двери.

Витька побежал к Лизавете, а я продолжила уборку, сей-

час там Лизка что-нибудь для него придумает. Я уже домывала крыльцо, когда прибежала Лизка и с хохотом стала рассказывать:

– Представляешь, Нюра, прихожу я от тебя, а бабушка набрала грибов и сидит их перебирает, моет. Я присоединилась к ней, решила помочь – всё равно делать нечего. Помыли грибочки, сложила я в ведро с этой водой всякие червивые и пошла выливать. Только вышла на крыльцо, заходит во двор Витька и от калитки начинает мне улыбаться и говорит:

– Лиза! Ты меня звала? Я пришёл. Пойдём прогуляемся? Собирайся быстрее, а то я уже соскучился. Раскинул руки и с улыбкой во весь рот идёт ко мне, а у меня в руках ведро с грязной водой и червивыми грибами, ну я и опрокинула всё это ему на голову. Он опешил от такого приёма, стоит смотрит на меня своими огромными глазищами, а потом очнулся и спрашивает:

– Лизка! Что это было? За что?

А я ему:

– Сам знаешь, урод! Вали отсюда, чтоб я тебя больше около своего двора не видела!

– Да пошла ты, деревня!

Он развернулся и пошёл со двора весь мокрый и грязный, а тут как раз дед Трофим шёл из магазина, увидел Витьку мокрого и в грибах, остановился, смотрит на него хохочет и говорит:

– Тудыть его в качель!!! Витька! Енто за чё тебя Лизок

так приласкала? Ну, красавЕц!!! Здря ты сюды приехал со своими дружками, тута вам ничё не обломится, девки у нас гордые и разборчивыя. Таки охломоны им ни к чему. Так чё, вали отседова, из деревни, не позорь своих родителей, обормот!

– Дед Трофим! Шёл бы ты... куда шёл! И не лезь не в свои дела – прорычал злой Витька и, махнув рукой, понесся к своему дому. А дед Трофим повернулся ко мне и говорит:

– Молодца, Лизок! Умешь охолонуть мужика! – и, покачав головой, усмехаясь, потрусил дальше.

– Быстро ты, Лиза, с ним рассчиталась!

– Да я бы, может, что-нибудь поинтереснее придумала, да он появился так неожиданно. Ладно, с него пока хватит. А ты, Нюра, чем тут занимаешься?

– Да так, по хозяйству. Всё равно делать нечего, уборку сделала в доме.

И вот тут её прорвало:

– Всё Нюра! Не могу больше жить в деревне! Хочу в город! Ты говорила, что собираешься поехать в город, передумала уже?

– Почему передумала? Нет.

– А, чего тянем? Ждем зимы? Может, обсудим это дело?

– Да я не знаю, что мне с домом делать? Продать или сдать кому-нибудь?

– Давай, Нюра, вот что сделаем. Оставим дом пока под присмотром бабы Мани, а когда в городе устроимся, тогда

можно в дом пустить жильцов и получать с них деньги. Дом сохранишь, и деньги лишними не будут, пойдут на развитие твоего бизнеса. Как тебе такое предложение?

– Звучит заманчиво, только у меня денег на открытие ателье маловато, а деньги, которые я, якобы, буду получать с жильцов за свой дом, пойдут на оплату квартиры, которую нам придётся снять в городе.

– Нюра! Ты почему все расходы на себя берёшь, я же буду работать и свою половину за квартиру смогу оплачивать? Ты сама говорила, что приедем в город, узнаем, сколько стоит аренда небольшого помещения, прикупим пару вязальных машин, чтобы ателье заработало. Ты же и сама будешь вязать. А ещё можно брать заказы. Давай, Нюрок, попробуем? Я тебе помогу. Ну, соображай быстрее! Что мы здесь в деревне заработаем? Ты же не собираешься всю жизнь здесь прожить?

– Лизка! А если мне здесь, в деревне, открыть это ателье, а готовую продукцию возить продавать в город?

– Да, но как ты сможешь у городских брать заказы? А сколько денег уйдёт на одни поездки туда-обратно? – возразила Лизавета, – тогда, Нюра, мы с тобой никогда не выберемся из деревни! А мне без тебя в городе нечего делать, а здесь я вместе с тобой завяну без мужа и без семьи. Здесь, даже замуж не выйдешь, разве что деда Трофима соблазнить?

– Лизка, даже не думай, баба Маня этого не выдержит, возраст не тот, но тебя за космы оттащить ещё сможет. Да и

дед Трофим хахаль уже пескоструйный.

Мы посмеялись с Лизой, а когда она ушла, я крепко задумалась о переезде в город. Ходила несколько дней обдумывала, как это лучше сделать. Даже дед Трофим, как-то встретив меня на улице, подошёл, положив руку мне на плечо, спросил:

– Нюр! Чё-то случилось? Я, который день наблюдаю за тобой, ходишь смурная, вся кака-то не така. Сказывай! Будем решать вместе чё делать. Мож и я на чё-нить сгожусь.

– Дед! Ты зря за меня переживаешь. Просто я хочу поехать жить в город, чтобы там заняться бизнесом, вот обдумываю, как лучше сделать, чтобы всё получилось, как я хочу.

– Бизнесом?! Ну девка, молодца! А в чём сумлеваесси? Денег не хватат? Давай я тебе свою пенсию дам.

– Дед! Ты уже один раз отдал пенсию, баба Маня чуть не законопатила тебя в погреб, забыл? Не боишься, что исполнит обещанное?

– У-у-у-у, Нюрок! Бабка мне за всю нашу жизнь знашь скоко всего обещала? Если ба она всё сполнила, я ба, Нюрок, давно помер! Ты токо скажи, а бабка не будет против – она тебя любить.

– Нет, дед, мне пока не надо, но всё равно, спасибо!

– Ну, ладноть, тоды я пошёл, но ежли чё, обращайси! – дед повернулся и продолжил свой путь, а я задумалась о том, как я в городе буду без них жить. Мне их будет не хватать.

Витька Аверин с друзьями уехали, Лиза ходила грустная,

глаза, как у коровы, печальные, время от времени тяжело вздыхает. Я смотрела на неё, смотрела, а потом говорю:

– Лизок! Теряюсь в догадках, ты до сих пор влюблена в этого придурка?

– Хуже! Я им тяжело заболела, Нюра!

– Скажи, а после того, как ты его облила помоями он к тебе приходил?

– Ему есть к кому приходить, и что мне за радость оттого, что он придёт, а я буду думать, что он только что был со своей городской девицей.

– Надо тебя срочно лечить от твоей любовной горячки, может самое время нам поехать в город, а то ходишь на себя не похожа?

– Чёт Нюра страшно мне ехать в город. Никого знакомых там нет.

– Это одной страшно, а нас двое. Надо Лизок ехать, а испугаться мы ещё успеем. Там же у тебя Витька. Он хоть номер телефона тебе оставил?

– Да где-то записан, только я не хочу его видеть и звонить не буду.

– А как же любовь?

– Так это же у меня любовь, а он такого слова не знает.

– Да и фиг с ним, обойдёмся. Лиза! Мы с тобой давно девочки взрослые и самостоятельные. Ты как хочешь, а я больше раздумывать не буду, поеду и будь, что будет.

В один прекрасный день, посчитав, сколько у меня денег,

быстро собрала свой незавидный гардероб, для начала решила взять с собой только самое необходимое, и только хотела идти на остановку, как услышала во дворе шум, выглянула в окно, там дед Трофим трусит к моему крыльцу. Я открыла дверь, стою, жду. Дед запыхавшись поднялся на крыльцо и держась за сердце потащил меня в дом, говоря:

– Пойдём, Нюра, в дом, чёбы меня старуха моя не увидела. Дело у меня есть.

– Ну, заходи, дед, присаживайся, рассказывай, что за дело у тебя ко мне.

– Нюра! Я ходил в магазин, зашёл на всякий случай на почту, а мне Маруся, почтальонша наша, письмо дала, говорит от Нины, от дочки. А я жа, Нюра, без очков-то не вижу почитать, а домой итить пока не хочу, чёбы мою бабу не волновать заранее, ты жа знашь, у неё сердце слабое. Нюра, почитай мне письмо.

– Давай, дед, твоё письмо.

Дед Трофим вытащил из кармана сложенный пополам конверт и подал дрожащей рукой мне. Я взяла его, посмотрела на деда, он сидит напряжённый, а в глазах страх и страдание. Я быстро открыла конверт, вытащила оттуда листок бумаги в клеточку, заглянула в него, потом подняла глаза на деда, он смотрел на этот листок, как замороженный, я спросила:

– Дед, ты как?

– Я нормально, Нюрок, давай ужо читай! – нетерпеливо

воскликнул он.

«Здравствуйте отец и мама. Простите, что не писала вам писем, жизнь меня закрутила так, что хорошего ничего не было, а о плохом писать и вас расстраивать не хотела. Муж у меня оказался очень жестоким и все эти годы у меня даже не было возможности сообщить вам, где я живу, потому что он запретил мне общаться с родственниками. Мне удалось с дочкой сбежать от него, теперь мы живём пока в другом городе, но я всё время боюсь, что он нас найдёт и убьёт, не о себе беспокоюсь, о дочке. Отец, мама, можно мы с дочкой Назирой приедем к вам? Я понимаю, что мне нет прощения и приму любое ваше решение. Напишите мне на Главпочтамт, потому что у нас нет постоянного адреса, мы живём у добрых людей, приютивших нас ненадолго. Если я не получу от вас письма, значит вы меня не простили и не ждёте, тогда буду как-то устроиваться здесь, в этом городе. Жду вашего ответа с нетерпением. Вот адрес, куда писать... Ваша любящая дочь, Нина».

Я дочитала, посмотрела на деда, а по его глубоким морщинам ручьями бежали слёзы, а дед Трофим их даже не замечал, сидел и молча смотрел в пол. Потом дрожащей рукой взял письмо, спрятал его в карман и сказал:

– Ну чё за девка така. Не глянулось ей дома, в городе захотела жить, а оно вона, как обернулося. Нюра, пойдём со мной, а то я боюсь один бабке сообщать таку весть, как ба не померла от радости. Мы уж не думали, чё дождёмси хучь

кого-нить, ан нет, вона, дочка объявилася, теперь хорошо будет, весело.

Мы с дедом встали и отправились к бабе Мане. Она хлопотала на кухне, готовила обед. Увидев нас с дедом, напустилась на него:

– Ты где, старый, шляисси? Тебя только за смертью посылать! Купил молоко?

– Старая! Рано нам думать о смерти, мотри чё мне дали на почте! – дед вытащил из кармана письмо и ткнув в него пальцем, проговорил дрожащим голосом, – дочка... Нинка наша нашлася и наша внучка с ей, Нюр, как её зовут, забыл я? – спросил дед, повернувшись ко мне.

– Назира.

– Вот, слышала бабка? Назира! Надоть скорее отправить им письмо, чёбы приезжали, неча мотаться по чужим людям. Эй, эй, бабка, ты чего? Ты куды заваливаесси, держися за меня, пойдём на диван, не падай здесь, – дед, бережно поддерживая бабу Маню, повёл её в комнату, довёл до дивана, я помогла её уложить, дед поправил подушку под головой, приговаривая, – ты, старая, дажеть не начинай болеть, некогда нам, дочка приезжат, – дед наклонился к бабе Мане и заботливо спросил, – ну как ты, старая, где болить? Мож за врачихой сбегать, а? Ты токо скажи, я мигом, – а в глазах застыл страх и растерянность. Дед не знал, что делать и куда бежать, он очень боялся за свою бабку.

– Не надоть, старый, никуды бежать, людей беспокоить,

маненько полежу и пройду.

К утру бабе Мане стало хуже, я позвонила в медпункт вызвала нашего деревенского фельдшера Елену Николаевну. Она пришла быстро, поставила какой-то укол и сказала, что, бабу Маню, надо срочно везти в больницу. Елена Николаевна ушла и вскоре приехала на скорой помощи, которую вызвала из города и увезла её. Дед сидел на диване расстроенный, разводил руками, говоря самому себе:

– Дык, ты, старая, чего удумала болеть то? Нинка вот придет с дочкой, а тебя нет дома. А я как же тут, без тебя буду? Мне ведь одному ну никак незя, я даже обед не умею постряпать. Нюрк! Чё теперь делать-то?

– Дед! Ты не переживай так. Обед я тебе буду готовить, а баба Маня скоро поправиться. Видишь, как бывает, иногда сердце и радости не выдерживает. Ты не волнуйся, я завтра съезжу в больницу и навещу её.

– Нюра, ты мне помоги письмо Нинке написать, я ведь уже и карандаш не удержу в руках. Давай, мы прямо сейчас и напишем, пускай уже скорее приезжают.

– Ладно, дед, напишем. Там баба Маня обед приготовила, давай я тебя накормлю, а потом схожу домой за ручкой и бумагой, будем писать письмо.

Я пошла на кухню, собрала обед и позвала деда. Он зашёл, сел и, посмотрев на стол, взял ложку дрожащей рукой и стал есть, но через несколько минут, которые он потратил на то, чтобы донести до рта ложку со щами, он оставил свои

попытки и, повернувшись ко мне, попросил:

– Нюр, ты пообедай со мной, а то мне одному тяжело тут сидеть, без старой. Не привык я один. – сказал дед, отложил ложку и заплакал, прикрыв глаза рукой. Он горько вздыхал и всхлипывал, а я смотрела на него и понимала, что я не нахожу слов для его успокоения, что бы я сейчас не сказала, толку от моих слов не будет, потому что дед с бабой Маней за всю жизнь не расставался ни разу и теперь он очень сильно переживал за её здоровье, боялся потерять свою «старую». Через некоторое время дед немного успокоился, взял ложку и стал есть. Я устроилась за столом, налив себе борща, чтобы деду не было так одиноко. Обедали мы молча, но думали оба о бабе Мане, беспокоясь о её здоровье.

После обеда я принесла бумагу, ручку и мы с дедом стали сочинять письмо Нинке. Дед строжился, размахивал руками, тыкал пальцем в бумагу и говорил:

– Пиши, пиши. Всё, как рассказываю, пиши. – а говорил он много и не по делу, – пиши Нюра, пускай сейчас же собираются и возвращаются домой. Неча по чужим углам болтаться, чай дом родной есть и родители пока ишшо живы, слава те хосподи. – сказал дед и широко перекрестился в передний угол, в котором и намёка не было, что там хоть когда-нибудь стояла икона.

Мы написали письмо, и дед быстро засеменил вдоль улицы на почту, чтобы его отправить. Уехать в город я теперь не могла, надо было присмотреть за дедом и дожидаться воз-

вращения бабы Мани из больницы. Хотелось бы, конечно, и Нинку с дочкой дожидаться, но это как получится. На следующее утро я поехала в больницу к бабе Мане. Пришла я туда рано и меня не пустили, сказали, чтобы подождала, пока закончится обход. Я села в коридоре на лавочку и, дождавшись, когда врач уйдёт в свой кабинет, пошла в палату. Открыв дверь, заглянула и не сразу увидела бабу Маню, обвела взглядом всю палату и обнаружила её на кровати, в углу, около окна. Кроме неё в палате лежали ещё две женщины. Она меня увидела и позвала:

– Нюр, здесь я. Ты пошто приехала-то? Мне здесь хорошо, тепло и кормят вкусно.

– Попроведать приехала. Как ты, баб Маня?

– Ужо легче, Нюра. Как тама дед?

– Дед нормально, я присматриваю за ним. Переживает, что Нинка с дочкой приедут, а ты в больнице.

– Нюра! Неужли дождалися Нинку? Никогда не думала, чё завалюся в больницу от радости.

– Ты, баб Мань, главное не переживай, тебе нельзя расстраиваться, а то надолго здесь задержишься.

– Нет, Нюра, мне незя здесь долго разлёживатси, я хочу дома встренуть дочку с внучкой. Как ты давеча сказала её зовуть?

– Назира.

– Вот имечко, прости хосподи, хоть ба запомнить, а то позору не оберёсси.

– Ничего, баб Маня, увидишь свою кровиночку и уже никогда не забудешь её имени. – я посидела ещё некоторое время, успокоила её, чтобы она не волновалась за деда и собралась домой. – Ладно, ты лежи, выздоравливай, а я поеду, дел много, да деду надо обед приготовить, чтобы он без тебя не похудел.

– Ой, Нюра, кака ты хорОша девка, спасибо тебе.

В следующую поездку к бабе Мане в больницу, дед Трофим напросился поехать со мной, говоря:

– Нюра! Возьми меня с собой, я без своей бабки жить не могу, ты же знаешь, как я её, лахудру, люблю. Я хучь одним глазком на неё гляну и мне легче будет её дожидаться, када она возвернётся домой.

– Ладно, дед, поехали.

Я привезла его к бабе Мане. Он зашёл в палату, увидел её в кровати, подошёл, сел рядом с ней и сказал:

– Чё, старая, лежишь? И скоко ты собираесси тута валять-си? Я тама один, никакого ухода за мной нет, а ты тута пристроилася и тебе дела нет до меня? – сказал дед, смахнув рукой вдруг набежавшую слезу.

– Умолкни, старый, за тобой ухаживат Нюра. Ты зачем ко мне приехал? Жаловаться? Ехай домой и не волнуй меня. Нюр! Ты зачем его привезла?

– Так дед соскучился по тебе, баб Маня.

– Ой, я не могу! Соскучилси. Вот пущай без меня поживёт, тада узнат, почём фунт лиха. Соскучилси он.

– Старая, не ругайси, мне и так плохо, я же за тебя волнуясь, хожу один по дому, как привидение, а ты всё ругаесси и ругаесси, а тебе незя, у тебе сердце слабое. Лечись ужо, да давай скорее домой возвертайси.

– Ладноть, старый, потерпи маненько, скоро уже приеду, врач обещал отпустить через неделю.

– О-ё-ё-ё-й! Старая! Как через неделю? Это же так долго, попроси его, пущай побыстрее отпустить тебя домой.

– Ладноть. Попрошу. Всё, ехайте. Нюр, увози деда, сил моих не хватат мотреть на его страдания.

Прошло две недели. Баба Маня выписалась из больницы, я её привезла домой. Дед выскочил её встречать к калитке. Не успела баба Маня выйти из машины, как мы увидели деда Саню, который на всех парах семенил к их дому. Баба Маня остановилась, поджидая его. Дед Саня подбежал и, запыхавшись, спросил:

– Манечка! Ты как? Выздоровела?

– Саня! Тебе чё за дело? Да, выздоровела.

– Так я испереживалси тутa без тебя.

– Саня, сейчас Трохвим схватить свою оглоблю и будете опять бегать по улице дружка за дружкой, как дети.

– Мань, да твой Трохвим меня ишшо ни разу не догнал, слабак!

– Знашь чё, Саня, иди отседова, чёбы тебя мои глаза не видели, не догнал значитца – не хотел!

Дед Трофим стоял у калитки и на удивление спокойно ре-

агировал на слова Санька, а, когда услышал, что его ненаглядная «старая» встала на его защиту и прогнала его недруга, он приободрился и молодцом выскочил из калитки, чтобы встретить свою любимую бабу. Дед бережно взял её под локоток и повёл в дом. Я посмотрела им вслед и позавидовала им, по-хорошему.

***

Нина с дочкой приехали без предупреждения. Дед пошёл к колодцу за свежей водой и увидел подходящих к их двору двух женщин. Он остановился и стал смотреть из-под руки, кто это пожаловал в их деревню. Когда приезжие подошли ближе, сердце у него оборвалось и покатилося в пятки, а ноги как-то сразу ослабли. Он смотрел на молодых женщин, а сердце больно билось о рёбра. Когда они подошли ближе, остановились, старшая, посмотрев на деда у колодца, поставила свой чемодан и пошла навстречу деду, который бросив ведро на негнущихся ногах уже шёл в их сторону. Приблизившись к женщинам, дед остановился, опустил руки и рассматривая дочь, а она кинулась ему на шею.

– Отец! Прости! Я виновата перед вами и заплакала, уронив голову ему на плечо, – а он стоял, боясь шелохнуться и всё это ему казалось сном, а в голове крутилась одна мысль:

– Эх тебя жизнь скрутила-то, доча! Видать не сладко тебе было замужем. Надоть было давно вернуться домой.

Дед посмотрел на стоящую рядом красивую девушку лет семнадцати и спросил:

– Нинк! А эта и есь твоя дочка, как бишь её?

– Назира.

– Да, точно, я помню, Назира. Внушенька, ты чё тама стоишь, как не родная, иди к мне, дай я хучь тебя обыму, я жа твой родной дед.

– Да, деда, здравствуйте, мне мама о вас рассказывала.

– Вот и хорошо. Чичас я воды наберу с колодцу, и пойдём в дом, тама бабка моя обед стряпат. Нинк, неси воду, а я твои чижёлые чемоданы возьму.

Они вошли в дом, Нина понесла ведро с водой на кухню, где баба Маня готовила обед, а дед понёс чемоданы в комнату. Назира пошла следом за матерью. Баба Маня думала, что зашёл дед Трофим, повернулась отчитать было его, за то, что так долго за водой ходил, глянула на вошедших дочь и внучку, схватила за сердце и стала медленно оседать вдоль стенки, хватая ртом воздух. Когда опустилась до самого пола, села, а потом завалилась на бок, так и замерла. Нина подскочила к ней и стала звать:

– Мама, мамочка, что с тобой, ну скажи хоть слово, ну пожалуйста, не молчи!

Услышав крик, прибежал дед, потряс бабу Маню за плечо, потом встал рядом с ней на колени и уткнувшись ей в грудь тяжело и протяжно завыл, как зверь, почуявший беду. Через некоторое время затих, замер и лежал не шевелясь. Нина стояла и виновато смотрела на них, а слёзы градом бежали и капали со щёк на кофту, оставляя мокрые следы. Её дочь

Назира стояла рядом и держала свою мать за локоть. Нина повернулась к ней и сказала:

– Назира, сходи к соседям, позови, скажи, что я просила прийти.

***

Я сидела на диване и мечтала, как мы приедем с Лизой в город, будет у нас свой бизнес, заработаем денег, куда-нибудь съездим к морю. Увидеть настоящее море это моя вторая мечта. Решила: раз баба Маня выздоровела, теперь дед не один можно и в город ехать. Хорошо бы, конечно, дожждаться Нинку с дочкой, но неизвестно, когда они приедут, а мне не хочется терять времени. Вспомнила, что давно не видела Лизку и подумала:

– Интересно, чем она таким занята, что столько времени ко мне не прибегала, какие дела её задержали? – тут услышала стук в дверь и удивилась, – кто бы это мог быть? Лизка всегда врывается без стука. Пошла открывать, но тут дверь распахнулась и на пороге появилась очень красивая девушка восточной внешности и я сразу поняла, что это и есть Нинкина дочь Назира.

– Назира? Проходи. – сказала я, отступая в сторону.

Она вошла и сказала:

– Здравствуйте. Вы меня знаете? Откуда?

Мы вас с мамой давно ждём.

– Мама просила вас прийти к бабушке с дедушкой. Они сидят на кухне на полу и не шевелятся, мы не знаем, что

делать.

– Как не шевелятся?! Ну-ка, быстро, побежали!

Я схватила телефон, выскочила из дома и ринулась к калитке, Назира бежала за мной. Мы прибежали к ним, я залетела на кухню и подскочила к деду с бабой Маней, лежащих на полу. Взяла руку деда... – пульс есть, потом руку бабы Мани... пульс не прощупывался, я медленно опустила её руку, поднялась и сказала Нине:

– Помоги деда отвести на диван!

Он пошевелился, поднял голову, посмотрел на бабу Маню и прошелестел:

– Нюра, что с бабкой? Она жива? – дед смотрел на меня с надеждой.

Мы с Ниной подняли его с пола и под руки повели на диван, уложили, потом я, сев рядом с ним, взяла его за руку и, как-то враз охрипшим, чужим голосом, проговорила:

– Нет, дед, померла баба Маня, ты держись! Я сейчас вызову Елену Николаевну из медпункта.

– Нюра-а-а-а! – взвыл дед с надрывом, – как я без моей бабки жить-то буду? Мне же без неё воздуха не хватат, пока лежала в больнице думал помру, не дождуся её! А таперя чё делать? Ты, старая, зачем меня оставила тута одного? Нет, Нюра, не жилец я, хочу к моей бабке, – он сел, обхватил голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, заплакал навзрыд горькими слезами.

Я обняла его, как маленького, прижала к себе, гладила по

плечу, а он плакал, вздрагивая всем телом. Нина сидела на кухне около матери и тоже плакала, причитая:

– Мамочка, как же так! Я ведь даже не успела тебя обнять. Это всё из-за меня, простите...

Я позвонила в медпункт, Елена Николаевна приехала на скорой и забрала нашу бабу Маню, с собой, поставив деду укол, после которого он быстро уснул. Через три дня мы её похоронили. Несколько дней после похорон дед лежал на кровати, отвернувшись к стене, и не реагировал ни на какие уговоры встать и поесть. Мы с Ниной не выдержали и подняли деда насильно, усадили за стол и заставили есть. Теперь дед ходит потерянный и всё время плачет. Каждый день с утра, позавтракав, он уходит на кладбище и сидит около своей «старой», а потом бродит по лесу вокруг деревни. Тяжело ему находиться дома, где всё напоминает о его горячо любимой «старой» и, поэтому, он старается приходить домой только ночевать. Нина много раз уводила его с кладбища домой, но стоит ей отвернуться, он берёт свой посох и идёт в лес. Как-то я нарвала полевых цветов и пошла перед отъездом попроводовать родителей и зашла к бабе Мане. Подхожу ближе и вижу: дед Саня стоит на коленях у могилы бабы Мани, а дед Трофим навис над ним и ругается.

– Ты, Санька, хучь здесь оставь в покое мою бабу!

– Не дождёсси! Сюды ты мне не запретишь приходить, здесь территория обчая, где хочу, тама и хожу.

– Ну и ходи, по обчей территории, а к моей бабке не под-

ходи.

– Трохвим! – сказал дед Саня просительным голосом, – ну ты уймись уж, таперича тебе волноваться точно не о чем, хуже, чем есь, уж не будет. Манечки нет с нами и спорить нам над её могилкой не след.

– Санька! Иди отедова, не наводи на грех. – сурово сказал дед Трофим.

Дед Саня встал с колен, тяжело вздохнул, отряхнул штаны от земли и пошёл по тропинке, что ведёт в деревню, качая опущенной седой головой и что-то ворча себе под нос.

***

Наконец-то я, оставив деда на его дочь Нину, отправилась в город, в новую жизнь с твёрдым намерением заняться бизнесом, не дожидаясь, пока Лизка решится поехать со мной. С распростертыми объятиями меня там никто не ждал и, поэтому, первую ночь мне пришлось ночевать на вокзале. Ночевать – это сильно сказано, потому что, только я удобно устроилась в уголке и закрыла глаза, чтобы вздремнуть, как почувствовала, что сумку кто-то потихоньку тянет. Я приоткрыла один глаз и увидела парня на вид лет двадцати, высокий, рыжий, одет в спортивный костюм, выражение лица несчастное, глаза большие и грустные. Открыла второй глаз, посмотрела на него в упор и спросила:

– Чё хотел?

– Денег! – сказал он кротко, – есть хочу!

– А попросить не пробовал?

– Я не попрошайка!

– А кто? Вор?

– Слушай, ты! Осторожнее разбрасывайся словами, а то ведь и схлопотать можно! – сказал рыжий, нахмурившись.

– Ага! Ты у нас вольный художник! Ты тоже можешь схлопотать за свои художества! Ты, между прочим, посягаешь на мою собственность, а значит – вор!

– Слушай, да не посягаю я на твою собственность, только хотел немного денег взять! Я два дня не ел, мне бы хоть на один пирожок.

– Ты откуда здесь взялся? На заработки приехал или просто по жизни болтаешься?

– Да я сам пока не понял! Приехал, думал денег заработаю, родительский дом отремонтирую, продам, а в городе квартиру куплю ну или комнату хотя бы. В деревне-то работы нет, надеялся в городе устроиться на работу. Две недели хожу ищу, но оказалось это не так просто. Пока никому я не нужен.

– А кто тут кому нужен? Каждый пробивается сам. Что ты умеешь делать?

– Если честно – ничего или всё понемножку.

– Да-а-а! Так ты никогда не найдешь работу. Когда идёшь устраиваться надо говорить конкретно, что ты умеешь делать, а не всё понемножку, такой ты никому точно не будешь нужен.

– Да что я могу сказать конкретно? – он присел рядом со

мною на скамейку и с надеждой на ценный совет смотрел мне в глаза не моргая.

– Ну, например, приходишь в какое-нибудь «СТО» и говоришь «возьмите меня на работу», а у тебя спрашивают «что ты умеешь делать?», отвечаешь:

– Гайки крутить или машины мыть, или порядок в СТО наводить, инструменты подавать или за пивом бегать! Вот тогда они будут думать конкретно, нужен им уборщик, мойщик машин или курьер по доставке пива!

– Ладно! Понял! Может ты купишь мне пирожок, а?

– Пойдем, страдалец, накормлю! Тебя как звать?

– Сева я! Можешь просто Рыжий звать, меня все так зовут, я привык! А тебя?

– Меня Нюра! По-городскому – Анна! Пойдем, Рыжий!

Мы пришли в буфет, который работал круглосуточно, посмотрели на витрину с засохшими бутербродами и такими же скукоженными булочками, но деваться некуда, надо парня накормить, может, правда два дня не ел. Я глянула на него, а он смотрел на бутерброды голодными глазами и не мог от них отвести глаз. Покачав головой сказала:

– Выбирай сам, что будешь есть, чтоб потом ко мне претензий не было, если обоснуешься в туалете надолго.

Он взял пять бутербродов с колбасой землистого цвета и два стакана чая, я не стала себе ничего брать, здоровье дороже. Просто помогла ему донести до столика еду. Когда всё это поставили на стол, парень быстро начал есть эти бутер-

броды сомнительного вида и даже не поморщился, а запивал их чаем, который и чаем-то назвать язык не поворачивался, но он, видимо, действительно не ел два дня, потому что смел всё вмиг и, кажется, даже, не заметил, что ел. Потом мы снова пошли в уголок, ждать рассвета. Удобно устроившись и положив сумку со стороны стены и прижавшись к ней, чтобы больше ни у кого не было соблазна ее стащить, я закрыла глаза и решила, все-таки, подремать немного. Рыжий устроился рядом и тоже сидел, закрыв глаза, потом его голова упала на моё плечо, и он затих. Так мы встретили рассвет, а я свой первый день новой жизни в городе.

Когда проснулись, на улице было уже светло и городская жизнь повсюду кипела. Рыжий посмотрел на меня и смущённо спросил:

– Нюр! А у тебя случайно не найдётся для меня денег ещё на пирожок, ну так, чуть-чуть заморить червячка? А то мне целый день ходить в поисках работы, а у меня вообще ни копейки.

– Вот малахольный! Чё попёрся в город без денег? Ну куплю я тебе сейчас пирожок, а дальше что будешь делать?

– Не знаю. Мне бы работу хоть какую-нибудь найти, я бы аванс попросил.

– Ага! Закатай губу! Будут они аванс выдавать незнамо кому и незнамо за что! Их заработать надо сначала, да и то не факт, что заплатят!

– Как это? – удивился Рыжий.

– Так это!!! Это же город, здесь полно бандитов и воров, так что будь осторожен!

– Ладно, буду! – сказал он грустно, кивнув головой. А я смотрела на него и жалко мне его почему-то стало, такой молодой, а не может найти своё место в жизни. Как он собирается жить здесь, в городе, не имея никакой профессии. Похоже, по нему бандиты плачут, они таким неприкаянным быстро находят место, а потом его либо убьют, либо он сядет. Я тяжело вздохнула, глядя на него и сказала:

– Пошли!

Мы встали с лавки и отправились к буфету, бутерброды на витрине сменились и теперь там лежали полусохшие серые кусочки хлеба с заветренным сыром и маленькие булочки, посыпанные кунжутом по цене как крыло самолета. Рыжий взял две булочки и два бутерброда, объясняя взятое количество тем, что ему целый день ходить и булочки он возьмёт с собой, вместо чая взял минералку и мы переместились к столику. Рыжий стал завтракать, а я, открыв сумку, достала деньги, отчитала ему три сотни, положила на стол, сказав:

– Ухожу, дальше сам! Долг вернешь!

– Нюра! Как я тебе его верну, если у тебя нет адреса, а у меня – телефона, чтобы тебе позвонить!

Я вырвала листок из блокнота, написала ему свой номер мобильного, подвинув листок к нему, сказала:

– Будут деньги – звони! – повернулась и пошла на выход в поисках лучшей жизни, в надежде встретить своего принца

на белом коне, который меня уже жаждался, я на это очень надеялась.

Вышла на привокзальную площадь, окинула взором, раскинувшийся передо мной простор. Площадь была заполнена снующими людьми и машинами. Мысленно поприветствовав город, предупредила его:

– Учти, я приехала тебя покорять и прошу, пожалуйста, не ставь мне палки в колёса!

Город ответил мне шумом машин на городских улицах и суетой озабоченных своими проблемами людей. Я подумала, что в первую очередь я должна снять жильё. Посмотрела на бабулек, торгующих зеленью, и пошла к ним в надежде, что они подскажут, кто сдаёт комнаты. Подошла к первой попавшейся бойкой старушке с заливхацки повязанным на макушке платком и, поздоровавшись, спросила:

– Вы случайно не знаете, кто сдает жильё?

Бабулька окинула меня оценивающим взглядом, прикинула что-то в уме, а потом ответила вопросом:

– Приезжая? Откуда приехала?

Я сказала, откуда тут нарисовалась и что меня в этом городке привлекает. Чуть не сказала – в занюханном городке, но вовремя остановилась, иначе бабулька бы обиделась и не стала со мной разговаривать, а ночевать снова на вокзале опасно, так ведь можно и в милицию загреметь, а это в мои планы не входило. Бабулька снова осмотрела меня с ног до головы, потом кивнув головой, спросила:

– Тебе на сколько нужна комната?

– Вообще-то, я жить здесь собралась, на работу устроиться.

– Понятно! Ладно, девка, дам тебе один номерок, позвони по нему и скажи, что ты от Матрёны Никитичны! Это я.

– Матрёна Никитична! А контингент в вами предлагаемой квартире, какой? Ужиться можно? – спросила я.

– Если не понравится контингент, так можешь искать в другом месте, но предупреждаю – дешевле не найдешь!

Бабулька видимо заметила, что я запечалилась и решила, что я могу отказаться, а она, как посредник, потеряет свой процент от сделки, и тут же стала уговаривать:

– Да ты, девка, не тушуйся! Нормальный контингент, спокойный, не раздумывай, а то уйдет комната.

Я вытащила из сумки телефон и тут же стала звонить хозяйке квартиры. Трубку она взяла сразу и заорала:

– Ну чё надо? Достали вы уже, названивать!!!

Я не ожидала такого приема и в первый момент даже рас-терялась, а потом в ответ тоже рывкнула:

– Квартиру сдаёте?!!

Хозяйка сразу сменила тон и спросила:

– Надолго хотите снять?

– Если понравится, то надолго!

– Приезжайте! – она назвала остановку автобуса и адрес, по которому через час обещала меня ждать.

Я спросила у старушки на каком автобусе ехать и где оста-

навливается автобус. Она мне показала куда идти, и я побрела потихоньку в сторону остановки, потому что, пока там не наблюдалось никакого транспортного средства. Минут через пять подошёл автобус, я заплатила за проезд, попросив водителя сказать, когда будет нужная мне остановка и удобно устроившись на переднем сиденье у окна, стала рассматривать окрестности. Ехать пришлось недолго, вскоре водитель объявил мою остановку, я вышла из автобуса и оглянулась в поисках у кого можно спросить в какую сторону мне направить свои стопы. На остановке сидела парочка, увлеченная друг другом, я решила нарушить их уединение, подошла и спросила, где найти нужную улицу и дом. Девушка, не отвлекаясь от парня, махнула рукой в сторону. Я поняла, что двигаться надо в том направлении и потащилась со своей тяжелой сумкой, в которую был упакован мой гардероб, нажитый непосильным трудом.

Прибыв по месту назначения, осмотрела придирчивым взглядом двор. Кругом было много зелени, под окнами клумбы с цветами. Двор мне понравился, он был чистый, была даже детская площадка с песочницей. Я вошла в подъезд, лифта не было, потому что это была пятиэтажка, почти все стены расписаны и разрисованы. На одной была надпись крупными синими буквами «Ванька дурак», рядом красным цветом ответ «макака, я тебя тоже люблю». Поднявшись на второй этаж, увидела нужную квартиру и позвонила. Дверь открыли сразу, в дверях стояла женщина на вид лет сорока,

одета дорого и с претензией на элегантность. Я представилась и сказала, что звонила ей по поводу комнаты. Хозяйка отошла в сторонку, пропуская меня в квартиру. Она сразу пошла в конец длинного коридора, открыла дверь ключом и зашла, жестом приглашая идти следом за ней. Я прошла и водрузив на диван свою тяжёлую сумку, повернулась и стала осматривать комнату. Она оказалась большой, из мебели здесь были: диван, стол, стенка с небольшим набором посуды, плательный шкаф, телевизор и кресло-кровать, на полу вытертый, выдавший виды ковер. Хозяйка взмахнула рукой, говоря:

– Смотрите! Комната большая, светлая.

– А, сколько жильцов в квартире? – спросила я.

– С вами, будет четыре! Семейная пара и еще один жилец.

Семейная пара спокойные люди с утра до вечера на работе, а тот – одинокий, тоже спокойный, только когда выпьет, начинает искать компанию с кем хором спеть, а проспится опять всё нормально. Ну что, будете заселяться? Если да, то деньги вперед за месяц.

– Скажите, как вас звать?

– Людмила Васильевна Круглихина. Завтра привезу договор, подпишете.

Я отсчитала ей нужную сумму за первый месяц, получила ключи, и мы распрощались. Хозяйка вышла, закрыв за собой дверь, а я, плюхнувшись на диван, стала более внимательно рассматривать своё будущее жилище. Пока сидела, меня

посетила умная мысль: надо Лизку вызывать в город, будем вместе жить, тогда платить за квартиру придётся меньше и веселее вдвоём. Точно! Надо позвонить ей прямо сейчас.

Я набрала Лизкин номер и, услышав её голос, сказала:

– Лизка! Давай приезжай ко мне, комнату на двоих будем снимать, дешевле будет.

– Нюрка! Ты что, уже и жильё нашла?

– Нашла, Лизок! Собирайся и приезжай. Хватит сидеть у мамкиного подола!

– Ага! Подол моей мамки с утра как уметелит к магазину, а потом ищи свищи её по всей деревне. Она даже не всегда знает, что сейчас – утро или вечер, вчера или сегодня.

– Ну тогда и горевать не о чем, собирай вещички и поезжай на вокзал, а я тебя встречу!

– Нюра, а как я бабушку тут одну оставлю?

– Лиза! Ты, когда меня отправляла в город, не думала о бабушке? Я, получается, сорвалась с места, а ты теперь будешь сидеть там и раздумывать? Нет, подруга, так не пойдёт, собирайся и приезжай. Бабушка же с твоей мамой живёт, она и присмотрит за ней, а мы будем приезжать.

– Ладно, жди! Завтра утренним автобусом поеду на вокзал, как приеду в город – позвоню. А ты, Нюра, не забудь меня встретить.

– Встречу, Лизок, не беспокойся!

Лиза стала собираться. Сложила кое-какие вещи в свой небольшой чемоданчик, бабушка ей дала немного денег, из

тех, что она долгое время откладывала понемножку с пенсии, и Лиза отправилась на остановку. Дома её никто не удерживал, матери было не до неё, она постоянно озабочена у кого занять денег и опохмелиться, а бабушка, всплакнув, благословила её, и Лиза отправилась в свободное плавание, в поисках лучшей жизни. Приехала на вокзал, купила билет, дождалась поезда и, удобно устроившись, поехала к подруге в новую неизвестную жизнь. Ей было страшно, но что-то менять надо было, и девушка решила: будь что будет.

Я встретила её на вокзале у поезда, увидев подругу, завизжала от радости, схватила Лизку и закружила. Потом спросила:

- Лизок! Как тебя из дома отпустили, без проблем?
- Да кому я там нужна? Бабушку жалко, она плакала.
- Конечно, ещё бы не плакала, она же тебя вырастила.

Мы приехали в квартиру. Лизка, оставив чемодан около двери, обошла её, всё осмотрела и даже заглянула в ванную и в туалет, удовлетворённо кивнула головой, сказав:

– Хорошая квартира, большая, правда ремонт бы тут сделать не мешало, а вообще жить можно. А соседи не помеха, нам деревенским не привыкать общаться с соседями и жить с ними бок о бок.

Вечером, когда все соседи собрались дома, мы с ними познакомились и по поводу моего заселения и приезда Лизы устроили праздник, накрыли стол, у меня была бутылочка вина. Поужинали, поболтали, я сказала, что с хозяйкой до-

говорила, мы будем жить здесь вдвоем. В комнате стоял диван и кресло-кровать. Я определила Лизу на кресло-кровать и сказала, что дежурить по квартире будем по очереди по неделям, готовить тоже будем по очереди. Постелили и легли спать.

Утром, когда Лиза уходила искать работу, я сказала:

– Эту неделю дежурю я и еду готовлю тоже я! Мой номер телефона у тебя есть, иди ищи работу, если что – звони, а завтра закажем тебе комплект ключей от квартиры. Лизка! Хочешь, я пойду вместе с тобой работу искать?

– Нет! Ты, Нюра, сходи, купи газеты и посмотри объявления, может и не надо никуда бегать – ноги бить, найдёшь работу, сидя на диване! А лично мне побегать – милое дело, я не могу сидеть без движения, я хоть на город посмотрю, а повезет, так и работу найду! Сказала Лиза и скрылась за дверью.

Лизка ушла, а я пошла в газетный киоск, купила газету с объявлениями и вернулась домой. Вскипятила чайник, приготовила себе чай, села к столу на кухне и стала читать объявления. Время от времени набирала какой-нибудь номер и спрашивала про работу. Где-то совсем мизерная зарплата, где-то работать сутками, где-то уже место занято. К вечеру мне все-таки повезло. Позвонила в фирму «Хозяюшка», там мне сказали, чтобы я пришла на собеседование завтра прямо с утра.

Лизка пришла поздно, уставшая. Я её покормила и рас-

сказала про работу. Она на меня напустилась и стала орать:

– Дурища деревенская! Ты куда свою голову суешь? Да ты придёшь в квартиру убираться, а потом скажут, что ты укра-
ла у них что-то ценное и ты никому и никогда не докажешь,
что ничего не брала! У богатых свои игры! Для них простой
народ – мусор! Им никого не жалко, а о совести они и не
слышали! Выбрось из головы! Ищи другое место, если не хо-
чешь проблем на свою ж... Нюра! Ты же хорошо вяжешь, у
тебя даже есть вязальная машина, ты мечтала открыть ателье
в городе. Вот и открывай! А об этой фирме забудь думать
даже!

– Лиза! Я перед отъездом посчитала, сколько у меня де-
нег, мне их не хватит, чтобы арендовать помещение под ате-
лье, а надо же ещё машины вязальные купить, нитки, да мно-
го чего надо. Поэтому я решила поработать и подкопить де-
нег, а пока буду вязать дома и сдавать на реализацию бабуль-
кам. Надо съездить домой, в деревню, и привезти вязальную
машину. На этом и закончился наш разговор. Мы поужина-
ли и пошли спать.

Глава II

Несколько дней подряд я ходила в газетный киоск и покупала газеты с объявлениями, но ничего подходящего там не было, а, если что-то находилось, то было уже занято.

Мне надоело бегать за газетами, и я сказала Лизке, что завтра хочу поехать в деревню за своей вязальной машиной. Утром, проводив Лизу на поиски работы, я пошла на остановку. Автобусы до вокзала ходили часто. Приехав на вокзал, купила билет, поезд долго ждать не пришлось, минут через сорок он подошёл, я села у окна и удобно устроившись на боковом сиденье, стала смотреть на народ, который сновал туда-сюда по вокзалу, как муравьи в муравейнике. Ехать до нашей станции недолго, часов двенадцать и, поэтому, я не стала брать спальное место, решила, что вздремнуть, если захочется можно и сидя. Единственное, что меня беспокоило, успеть бы на наш деревенский автобус, чтобы не остаться ночевать на вокзале. День прошёл спокойно, и я даже немного вздремнула. Поезд пришёл вовремя, но на автобус я всё-таки опоздала. Подходя к остановке увидела, как он удаляется, стала махать руками, но водитель меня не заметил. Я села на лавочку и задумалась, что же мне теперь делать. Мои размышления прервал резкий сигнал, я подняла глаза и увидела около остановки машину, а водитель весело машет мне рукой. Подошла, наклонилась к окну и спросила:

– Какие-то проблемы?

– У меня нет, а у тебя?

– Да у меня тоже особых проблем нет, только вот на автобус опоздала.

– Хочешь, догоним?

– А с чего такая доброта?

– Одному скучно ехать, а такой красавице помочь, одно удовольствие.

– Нет, я, пожалуй, с вами не поеду.

– Чего так? Боишься?

– Боюсь.

– Зря. Я от чистого сердца предлагаю помочь. Тебе куда ехать?

– Я с вами не поеду. До свидания. – я отошла от машины и снова пристроилась на лавочке. Минут через двадцать вышла диспетчер из своей каморки и спросила:

– Девушка, вы какой автобус ждёте?

Я ей сказала, что мой автобус ушёл, я на него не успела.

– Не на Родники, случайно?

– На Родники. – кивнула я и с надеждой взглянула на неё, как будто почувствовала, что она сейчас меня обрадует. И она обрадовала:

– Ваш автобус в дороге сломался, сейчас поедет дежурный, чтобы забрать пассажиров и отвезти в Родники. Я скажу водителю, он заберёт вас, идите покупайте билет.

Я обрадовалась и бегом понеслась к её будке за билетом.

Приехав в деревню, я шла по улице и у меня тепло разливалось по душе, оттого, что я дома, здесь тихо и нет городской суеты. Я бы отсюда никогда не уехала, но в деревне нет работы и нет никаких перспектив. Я шла и думала:

– Я сюда приеду и открою здесь ателье, вот только устроюсь в городе, заработаю денег, налажу свой бизнес, а потом и здесь открою. Обязательно! Здесь моя родина, здесь похоронены мои родные и я не могу их оставить без присмотра, а ещё дед Трофим, который за многие годы стал мне родным. Хорошо, что у меня есть дом, куда я могу приехать и передохнуть от городского шума.

Так в раздумьях я дошла до дома деда Трофима. Подходя, увидела деда, он стоял, облокотившись о забор, я ему помахала рукой, но он, видимо, не понял, кто там идёт, потому что было почти темно. Когда я подошла ближе дед узнал меня и вышел навстречу:

– Нюрок! Неужли енто ты? Каким ветром? Нюрок, ты на-совсем? Тебе чё, в городе, не пондравилось?

– Не понравилось, дед, но поживу, надо денег заработать. Как ты тут? Ничего?

– Ничего, Нюра, висю вот на заборе, развлекаюся.

– Нина-то с Назирой дома?

– А где жа им быть, дома.

– Ну ладно, дед, пошла я, мне надо сегодня ещё много дел переделать, а завтра назад, в город.

Дед повернулся и пошёл к себе во двор, а я направилась

к своему дому. В доме было всё так, как я оставила, уезжая. Я поставила сумку, приготовленную для вещей на диван и стала доставать из шкафа вещи и складывать, чтобы утром на сборы не тратить времени. Собрав кое-какие вещи, упаковала их, завернула в коврик свою вязальную машину, всё осмотрела, не забыла ли чего и пошла поставить чайник, чтобы перекусить с дороги. Когда чайник закипел я заварила чай и стояла в раздумье, а с чем я буду пить его? Дома у меня ничего к чаю не было и по дороге я забыла купить.

– Наверное, придётся пить пустой чай. Ну и ладно, пустой так пустой, – решила я и стала наливать в чашку кипяток. Тут дверь открылась и вошёл дед Трофим с тарелкой, накрытой салфеткой и громко заявил:

– Нюр, поди голодна с дороги, а дома-то шаром покати? На, вот, я блинов тебе принёс, Нинка утром напекла, поешь.

Дед прошёл, сел к столу. Я взяла ещё одну чашку и налила ему чай, сказав:

– Давай дед, вместе попьем чайку, а то одной как-то скучно, пока пьем чай расскажи, как тебе живётся.

– Ооо, Нюрок! Чё тута рассказывать, сама знашь, чё мне без моей бабки не жизнь. Дома находиться не могу, всё душу рвёт, куды не глянешь всюду бабкины руки приложены, тяжело мне, Нюра. Нинка вся почернела от горя, всё себя виноватит, говорит из-за неё бабка померла. А как я её могу успокоить, када мне самому, хучь в петлю лезь от горя и тоски. Скорей ба господь прибрал меня, да я бы свою старую

там увидел.

– Не кручинься, дед, и не торопись к бабе Мане. Каждый живёт свой век, сколько ему отмерено, а туда ещё успеешь, никуда твоя баба Маня уже не денется. Всё равно ничего уже изменить нельзя, лучше расскажи, что в деревне нового.

– Нюрок! Говорять твой Семён письмо прислал, вроде жёниться собралси, городску невесту каку-то присмотрел. Ой, я дурак старый, – спохватился дед, – чёй-то разболталси, Нюр, прости!

– Да всё нормально, дед, я же сама его выгнала. Мне пока не до замужества, у меня другая сейчас забота.

– Энто, Нюра, ты правильно решила, а то замуж выскочишь и начнетси: муж, дети, хозяйство и не до бизнесу будет. Погуляй пока, молода ишшо!

Пока мы пили чай время пролетело быстро. Я поблагодарила деда за блины, а он меня попросил приезжать почаще, сказал, что скучает по мне и собрался домой. Я пошла его проводить до калитки. Он вышел со двора, потом повернулся, грустно посмотрел на меня и, покачав головой сказал:

– Я вот, Нюра, удивляюся, до чего человек живуч, я думал, чё не смогу жить без моей бабки, ан нет, живу. Зачем живу, для кого? Вдругорядь мне кажется, чичас откроется дверь и войдёт моя бабка. Жду, а она не приходит. Хучь ба во сне разок увидеть её, нет ведь, вредная баба, не показывается миене, а я так скучаю, Нюра, без неё.

– Дед, береги себя, у тебя вон внучка есть, дочь с тобой,

ты им нужен и не бреди себе душу. — он кивнул головой и направился к своему дому.

Рано утром дед пришёл меня проводить. Мы вышли, я закрыла дом и, попрощавшись с дедом у его калитки, направилась на остановку. На вокзал приехала за несколько минут до отправления поезда, станция у нас маленькая, очередей не бывает, я купила билет и успела до отхода загрузиться в поезд со своими баулами. Подъезжая к городу, я позвонила Лизке, чтобы она меня встретила и помогла дотащить вещи. Когда поезд остановился, я вышла на перрон, Лизка уже была на вокзале и подпрыгивая от нетерпения заглядывала в окна вагона. Увидев меня, понеслась мне навстречу, схватив мою сумку, стала вокруг меня круги нарезать и взяв в руки сумку, стала рассказывать, как она тут без меня жила все эти два дня и как ей было скучно, даже о работе думать не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.